

Жаклин Кеннеди

Жизнь Жаклин Бувье Кеннеди Онассис порой была похожа на сказку, а порой — на триллер. Она блистала в высшем свете, но счастлива по-настоящему была лишь с семьей. Вернула величие Белому дому, хотя главной целью жизни считала воспитание детей. Воплощала образ идеальной женщины — и ненавидела следовать правилам.

Жаклин умела очаровывать и скрывать чувства за обворожительной улыбкой. Ею восхищались простые американцы, маститые политики и искусные дипломаты. Умная и независимая, она с детства усвоила: то, что нельзя изменить, нужно принять. Первая леди США научилась не замечать многочисленные романы мужа, выстояла, потеряв новорожденную дочь, спасла детей, когда члены клана Кеннеди гибли один за другим. За ее судьбой пристально следили репортеры, но что она сумела оставить за кадром?

*М Саклин
Кеннеди*

ЖЕНЩИНА-МИФ

КСД

ЖЕНЩИНА-МИФ

Маслин Кенеди
ЖЕНЩИНА-МИФ

ХАРЬКОВ
2022 КСД

КСД

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»
2022

ISBN 978-617-12-9533-9 (epub)

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Электронная версия создана по изданию:

Дизайнер обложки Анастасия Попова

Ж22 **Жаклин** Кеннеди / сост. Юрий Подольский. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2022. — 320 с.

ISBN 978-617-12-9284-0

УДК 929

© Commons.wikimedia.org / Dell Publishing, Abbie Rowe (National Park Service), Robert

Knudsen, обложка, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», издание на русском языке, 2022

© Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», художественное оформление, 2022

Посвящается светлой памяти моей мамы, Розалии Подольской (1933—2021)

Пролог

У дверей дома 1040 по Пятой авеню на Манхэттене горели свечи. Несмотря на пасмурную погоду, здесь собралась большая толпа, в которой выделялись многочисленные репортеры. Никто не шумел, лишь негромкий шепоток разносил слухи о том, что жизнь самой известной в мире женщины стремительно угасает.

Весь день улица была запружена непрерывным потоком лимузинов и такси: то подъезжали носители широко известных фамилий и титулов — родственники, друзья, сотрудники, а также представители прессы и телевидения, любопытствующие и знакомые. Внутри пускали далеко не всех — только самых близких. Первый признак того, что надежды на ее выздоровление нет, появился во второй половине дня, когда в подъезд вошел Джордж Бардес, пастор церкви Святого Томаса Мора на 89-й Восточной улице. Он прибыл, чтобы совершить последние обряды, выслушать исповедь и причастить умирающую. Пробыв внутри около часа, священник вышел, взглянул прямо в объективы и нервным жестом дал понять репортерам, что не намерен с ними разговаривать. Через несколько часов одна из свечей у подъезда погасла из-за неторопливо накапывающего дождя. На это обратили внимание многие, восприняв как печальное предзнаменование, и притихшая было людская масса всколыхнулась.

В это время в пентхаузе одного из самых дорогих и респектабельных зданий «Большого яблока» завершался очередной виток истории бурного и непредсказуемого, трагичного и блестящего XX века. В спальне, освещенной антикварными лампами, Жаклин Кеннеди Онассис проводила свой последний час на земле, то погружаясь в сон под действием морфия, то выныривая из него помутненным сознанием в ставшую уже привычной боль. У ее постели были любимые дети, Джон и Кэролайн, родная сестра Ли и сердечный друг Морис, так и не ставший ее третьим законным мужем. Последние слова, с которыми Жаклин обратилась к сыну, были: «Пожалуйста, пообещай мне, что ты не станешь пилотировать собственный самолет. Пожалуйста!»

«Не стану, мама, — пообещал он. — Поверь мне. Не стану».

В 10:15 вечера четверга, 19 мая 1994 года, лечащий врач констатировал ее смерть в возрасте шестидесяти четырех лет. И когда в распахнувшихся дверях подъезда появился плачущий швейцар, по толпе, казалось, прошла волна озноба и послышалось сдавленное оханье. Все всё поняли, и хотя знали, что она умирает, известие о смерти вызвало шок. Многие начали плакать, и вспышки репортерских блицев не могли разогнать гнетущее чувство невосполнимой утраты. «Джеки была слишком молода, чтобы стать вдовой в 1963 году, и слишком молода, чтобы умереть сейчас», — эта мысль, вероятно, посетила в те дни многих американцев.

На следующее утро Джон Кеннеди — младший вышел на улицу и обратился к журналистам: «Вчера вечером, примерно в 10:15, моя мать скончалась. Она была окружена своими друзьями и семьей, книгами, людьми и вещами, которые она любила. Она сделала это по-своему и на своих условиях, и мы все счастливы, что теперь она в руках Божьих».

А репортеры судорожно подыскивали слова, которые смогли бы объяснить всему миру, почему пресыщенная сенсациями Америка скорбит о смерти пожилой миллионерши, которую людская молва то возносила до немислимых высот, то безжалостно низвергала с пьедестала. Как случилось, что ее жизнь оказалась неразрывно связана с историей самой могущественной страны и с тем ностальгически идеализированным обликом ушедшей вместе с ней эпохи?

Испокон веков люди любят ставить памятники. И испокон веков обожают их разрушать. Знаменитые личности всегда окружены флером тайны, недосказанности, секретов... И когда речь заходит о Жаклин Бувье Кеннеди Онассис, мифы зачастую заслоняют реальность. Ее жизнь и впрямь порой была похожа на сказку, порой — на триллер, а упорное стремление укрыться от внимания прессы лишь множило число таких мифов. И хотя об этой удивительной женщине сняты десятки фильмов, еще больше написано книг, а газетным и журнальным статьям и вовсе несть числа, до сих пор многое в образе Жаклин остается за кадром.

Однажды она сказала: «Я хочу прожить свою жизнь, а не записывать ее». Но давайте все-таки перелистнем страницы ее дней и ночей, не менее увлекательные, нежели те книги, что вышли в свет ее

стараниями. Страницы летописи той, что сумела создать миф и сама стала легендой.

Безоблачное детство принцессы

В последний месяц беременности Дженет Бувье немало поволновалась. Несмотря на отменное здоровье и прекрасные прогнозы врачей, роды никак не начинались, и муж вывез ее из душного Нью-Йорка в фешенебельный курортный поселок Саутгемптон. Но только 28 июля 1929 года — через шесть недель после положенного природой срока — Дженет разрешилась от бремени здоровой девочкой, которую нарекли довольно непривычным для американского слуха французским именем Жаклин. Впрочем, необычного в судьбе этой малышки было достаточно. И личности ее родителей, и то, что проявлять характер она стала еще до собственного рождения, не торопясь покинуть уютный мамин живот... Но вряд ли кто-нибудь тогда мог представить, что новорожденной суждено было стать одной из самых знаменитых американок и символом целой эпохи.

Малышка Жаклин стала долгожданным первенцем биржевого маклера с Уолл-стрит Джона Верну Бувье III и его юной жены Дженет Нортон Ли. К тому времени они были год как женаты и вели богемный образ жизни. Приятели хорошо знали, что вечерами чету Бувье невозможно застать в их шикарных апартаментах в престижном районе Нью-Йорка: они проводили время на приемах, в ресторанах и театрах.

Дженет, родившаяся 3 декабря 1907 года на Манхэттене, была стопроцентной ирландкой. Семья Ли приехала в Америку в 1852 году из ирландского графства Корк во время знаменитого картофельного голода, когда около миллиона ирландцев погибло и еще миллион эмигрировали. Бабушка Дженет по материнской линии, Маргарет Мерритт, которая готовила и убирала для семьи Ли, говорила на густом ирландском наречии, что очень смущало ее внучку. А друзья и знакомые даже не догадывались, что пожилая коренастая ирландка, которой запрещали спускаться в зал, когда в доме были гости, вовсе не таинственная «горничная», а мать хозяйки дома.

Отец Дженет, Джеймс Томас Алоизиус Ли, имея дипломы инженера, экономиста и юриста, открыл в Нью-Йорке собственную юридическую практику и занялся спекуляциями на рынке недвижимости

и банковских услуг. К 1910 году его корпорация «Шелтон Холдинг» отвечала за строительство более двухсот жилых и коммерческих зданий, в том числе 24-этажного отеля «Шелтон» на 49-й улице — самого высокого отеля в мире того времени! В 1929 году он начал строительство роскошного многоквартирного дома на Парк-авеню между 71-й Восточной и 72-й улицами, который был презентован как «самое роскошное и солидное жилое здание в Нью-Йорке». Возможно, именно от деда к Жаклин перешли по наследству интерес к архитектуре и любовь к Нью-Йорку.

Добившись значительных финансовых успехов, семейство Ли вполне могло бы войти в число местной элиты, но... Отношение протестантского большинства, считающего себя «коренными американцами», к католикам-ирландцам было не самым доброжелательным. Обидный стереотип тех лет гласил: «где ирландцы — там беспорядки». Хотя Джеймс Ли умудрился стать одним из самых известных риэлтеров и девелоперов Нью-Йорка, ему даже было отказано в покупке элитного жилья в одном из престижных районов города для своей семьи. Впрочем, эту неудачу скрасили роскошные апартаменты на Парк-авеню, так что Дженет родилась в весьма обеспеченной семье и готовилась к роли светской львицы с молодых ногтей.

После школы Дженет отдали в один из самых престижных женских колледжей США — Барнардский. Его она так и не окончила, зато прославилась как известная наездница, завоевавшая множество призов на Восточном побережье, и трехкратная победительница чемпионата охотников на ежегодном Национальном конном шоу. Дженет мечтала стать писательницей и даже записалась на курс драматургии и новеллистики в Колумбийский университет. Правда, результатом ее литературной деятельности стали лишь несколько охотничьих рассказов, напечатанных в иллюстрированном журнале без указания фамилии автора. Инкогнито ее даже порадовало: свое ирландское происхождение, которое долгое время не давало ее семье выбиться в высший свет, она ненавидела до такой степени, что приписывала себе родство с легендарной семьей штата Вирджиния, в которую входили знаменитый генерал Конфедерации Роберт Эдвард Ли и подписавший Декларацию независимости Ричард Генри Ли. Порой

Дженет готова была даже признать в фамилии «Ли» китайские корни, лишь бы не считать себя ирландкой.

Атмосфера в родной семье была гнетущей. Свою жену, Маргарет Мерритт, Джеймс Ли не любил, супруги даже не разговаривали между собой. Отношения же с дедом тоже никогда особо теплыми не были. «Он был очень строгий, — вспоминала Дженет, — вдобавок ужасный скряга, несмотря на успешность в бизнесе и богатство. Ему явно недоставало мягкости и теплоты».

В результате семейных неурядиц миниатюрная и обаятельная Дженет, несмотря на умение обворожительно улыбаться, выросла человеком весьма жестким и сдержанным. Самоконтроль и дисциплина въелись в ее натуру накрепко, но под маской истинной леди скрывался буйный темперамент, приправленный изрядной нервозностью. В конце концов спортивная и амбициозная девушка с приятной внешностью и безупречными манерами сменила ненавистную ирландскую фамилию на французскую, когда вышла замуж за Джона Бувье.

Этот персонаж был весьма примечательной личностью. Чрезвычайно привлекательный мужчина, он имел, как вспоминала позже Жаклин, «потрясающую фигуру», и его колоритная внешность дочерна загорелой кинозвезды всегда выделялась в любой компании типичных американских парней. Смуглолицего черноволосого красавчика с пронзительно-синими глазами после выхода знаменитого фильма «Шейх» с Рудольфом Валентино в главной роли за глаза называли Шейхом. Крайне тщеславный, он массу времени тратил на уход за своей внешностью, волосок к волоску расчесывая густые черные волосы и тонкие усики а-ля Ретт Батлер из «Унесенных ветром» в исполнении Кларка Гейбла (на которого был действительно похож). Регулярное посещение солярия или закрытого мужского пляжа покрыло все его тело безупречным загаром. Редко кто мог увидеть его небрежно одетым, даже в летнюю жару на нем как влитой сидел модный габардиновый костюм.

Немало времени Джон уделял и спорту, благодаря чему всю жизнь пребывал в отличной форме, хотя к спортивным достижениям не стремился. Зато непременно посещал боксерские чемпионаты, важные футбольные матчи и скачки, получая, кроме удовольствия, еще и выгоду от тотализатора. Из-за азартности, неизменного загара, да

еще пристрастия к карточным играм к нему окончательно прилипло прозвище Блэк Джек. Пагубная страсть даже стала причиной исключения юного картежника из подготовительной школы Академии Филипс Эксетер. Тогда его отец посодействовал, чтобы нерадивого юнца приняли в Колумбийский колледж, который когда-то закончил он сам. Там Джон Бувье в течение двух лет играл в теннис, а затем перешел в Йельский университет.

Престижный Йель ему окончить удалось, хотя и числился там в двоечниках. Интеллектуальному росту он предпочитал участие в разгульных вечеринках с разбитными девчонками. Последние липли к нему, как одалиски к шейху, и с удовольствием принимали приглашения на пирушки, организатором которых Блэк Джек чаще всего и выступал. Редкая девушка была в силах устоять перед его врожденным артистизмом и харизматичным обаянием. Но когда очередная пассия ему надоедала, он без сожаления с ней расставался.

«Моим девизом был Мартин Лютер, — говорил Джон. — Тот, кто не любит вина, женщин и песен, всю жизнь остается дураком». Он совратил даже своих сестер-близнецов, Мод и Мишель. Кроме того, Блэк Джек был бисексуален и вступал в многочисленные связи не только с женщинами, но и с мужчинами, нередко в одну и ту же ночь. Одним из его партнеров был Коул Портер¹, рассказывавший своим друзьям-гомосексуалистам: «Я просто без ума от Джека».

Окончив университет, Блэк Джек работал биржевым маклером, отслужил в армии, а выйдя в запас в чине майора, вернулся к спекуляциям ценными бумагами. На этом поприще ему сопутствовал успех, и ко времени женитьбы он имел собственное место в зале биржи на Уолл-стрит и немалое личное состояние.

Безусловно, Дженет была в курсе походов своего жениха, который был старше нее на 16 лет. Как и многие юные девы до и после нее, надеялась, что любовь изменит ветреного красавчика, и старалась приложить к этому все усилия, даже подружилась с Мод и Мишель. Увы, ее попытки оказались напрасными: домашний уют Джону вскоре наскучил, а привычки ловеласа никуда не делись. Да и не привык он бороться с соблазнами и отказываться от собственных прихотей. Так что примерного семьянина из него не получилось, а постоянные интрижки на стороне бесили всегда невозмутимую Дженет до крайности.

К тому же взаимоотношения между семьями Ли и Бувье были неприязненными. Родители Дженет, лишь недавно разбогатевшие, относились всего-то ко второму поколению ирландских иммигрантов. А семейство Бувье — их соседи по Парк-авеню и Ист-Хэмптону, объявлявшие себя потомками французских аристократов, — кичились своим происхождением, глядя на Ли сверху вниз. В результате обе семьи считали этот брак мезальянсом.

Забавно, но аристократическое происхождение Бувье — это выдумка главы огромной семьи, майора Джона Верну Бувье — младшего. Его отец со своими двумя братьями были одними из самых успешных дельцов в мире финансов на Уолл-стрит и одними из старейших членов Нью-Йоркской фондовой биржи. Их наследник во время Первой мировой войны был назначен майором Корпуса генерального прокурора армии США, а после войны 40 лет проработал судебным поверенным, не чураясь и биржевых сделок.

Майор Бувье («Майором» его звали все в округе, включая домочадцев) вел обширную общественную деятельность, а с наступлением почтенного возраста занялся, помимо прочего, собственной родословной. Он-то и родил миф, согласно которому Бувье — потомки «старинного знатного рода из города Фонтен близ Гренобля». В 1940 году Майор даже опубликовал в частном порядке свое генеалогическое древо под названием «Наши предки».

Вообще-то фамилия Бувье, на самом деле означающая «пастух», очень распространена во Франции, особенно в районе Альп, где ее носят более 8000 семей. Что же касается династии наших героев, ее основателем был потомственный плотник из Прованса, ставший солдатом армии Наполеона, Мишель Бувье. После разгрома Бонапарта он прибыл в Филадельфию и стал известным мастером-краснодеревщиком. В числе предков Майора были угольщики из Савойи, гончары из Окситании... В общем, голубая кровь в жилах Бувье не текла. Зато истинно французского шарма и обаяния у них было в достатке, и члены семьи старательно поддерживали семейную легенду.

Дочь Джона и Дженет Бувье крестили за три дня до Рождества. При крещении она получила имя Жаклин Ли — в честь Джеймса Ли, самого богатого родственника. Для купели ее даже обрядили в ту же сорочку, в которой некогда крестили деда. Джеймс и должен был стать

крестным для Жаклин, но недолголюбивавший тестя Джон Бувье воспользовался его опозданием и быстро заменил своим юным племянником Мишелем. По иронии судьбы эта история повторилась спустя много лет, когда Жаклин к алтарю поведет не он, а ее отчим.

Джон, Дженет и Жаклин Бувье жили в Нью-Йорке в огромной двухуровневой квартире из 11 комнат в доме на Парк-авеню, построенном отцом Дженет. Об арендной плате Джон не заботился, поскольку тесть, при всей скупости, предоставил дочери с зятем бесплатное жилье. Рядом располагался Центральный парк, с которым многое связано в жизни Жаклин, в том числе и забавное происшествие. Ей было четыре года, она гуляла в парке с младшей сестрой и няней и случайно отбилась от них. Прибежавшая домой в панике няня сообщила ужасную новость Дженет. Оповестили полицию, и вся семья провела более двух часов в страшном волнении. Наконец позвонили из участка, и дежурный офицер доложил, что нашлась маленькая девочка, которая дала этот номер телефона, но не назвала своего имени. Обнадеженная Дженет бросилась в участок и обнаружила, что Джеки совершенно спокойно сидит на табурете и болтает с полицейскими. А офицер с улыбкой поведал, что юная дама подошла к полицейскому и невозмутимо заявила: «Моя сестра и няня, кажется, потерялись». С тех пор Жаклин Бувье была любимицей полицейского участка Центрального парка.

Летом семейство Бувье переезжало в арендованный коттедж в Ист-Хэмптоне. Там Жаклин Бувье впервые попала в светскую хронику, которая отметила ее второй день рождения. Там же она впервые участвовала в выставке собак, где ее шотландский терьер Хучи получил одно из призовых мест. Однако вскоре летние сезоны они стали проводить в поместье деда Бувье «Ласата»² на Лонг-Айленде. Здесь на 12 акрах разместился теннисный корт, конюшня с восемью стойлами, манеж для выездки и выгул для лошадей. Центром поместья был увитый плющом громадный особняк в старинном стиле. Жаклин всегда с ностальгией и необыкновенной теплотой вспоминала Ласату, где прошли ее самые безоблачные годы, а отец и дед Бувье стали первыми главными мужчинами в ее жизни и оставались таковыми весьма долго.

Правда, назвать Ласату «тихим местом» было бы решением опрометчивым: не только из-за громкого голоса хозяина поместья

(Майор был глуховат и потому сам орал немилосердно), но и из-за галльского темперамента его обитателей. Каждый из членов большой семьи имел собственную, нередко эксцентричную индивидуальность, и выяснение отношений нередко бывало довольно бурным. Старший из детей Майора, Джон, не ладил ни с одним из домочадцев, отец не одобрял поведение сына, а мать неизменно ему потакала во всем. Так было и до его женитьбы на Дженет, и после нее, и даже после рождения дочерей — Жаклин и ее младшей сестры Кэролайн Ли, которая появилась на свет 3 марта 1933 года. Младшую дочку назвали в честь прабабушки, Кэролайн Юинг, но все звали ее вторым — коротким именем. Сама она сетовала: «Жаль, что никто не называл меня первым именем, Кэролайн, впрочем, второе дали исключительно затем, чтобы порадовать вредного деда». Но попытки родителей дважды умаслить богатого родственника потерпели фиаско: старый скряга настолько ненавидел всех Бувье, что впоследствии заставил внучек официально оформить отказ от претензий на его наследство.

В отношениях с дочками Блэк Джек скорее напоминал любовника, чем отца: безответственный, но веселый; тщеславный, но не терпящий скуки; нежный, но требовательный. Он считал, что все остальные в подметки не годятся ему и его дочерям, из-за чего последние никогда не ощущали себя частью большого клана, но в отце души не чаяли. Благодаря его наставлениям Ли и Жаклин, которую на американский манер звали Джеки, усвоили, что они должны стать лучшими из лучших. Не раз домочадцы и гости поместья были шокированы его высказываниями в духе: «В один прекрасный день Ли станет настоящей красоткой. Вы только посмотрите на эти глаза, на эти сексуальные губки». Подобные заявления в семье называли «витамином П» — от слова «похвала». Этот витамин чаще всего доставался Жаклин, причем заверения в том, что у дочерей не будет отбоя от поклонников, раздавались даже чаще, чем комплименты за умение держаться в седле: «Джеки выглядит просто потрясно. Все призы взяла в этом году... И вдобавок самая хорошенькая!»

Действительно, старшая дочь унаследовала от родителей самое лучшее: от любимого папочки красивую внешность и жизнелюбие, а от матери — спортивный дух и внешний лоск. Младшая сестренка в этом плане от нее не отставала, однако различие между сестрами было довольно сильным. Темноволосая Джеки росла прилежной

и сдержанной, а блондинка Кэролайн отличалась активным и озорным нравом. «Когда мне было семь лет и мы жили в Нью-Йорке, я сбежала, — рассказывала однажды Ли. — Я взяла свою собаку и пошла по Бруклинскому мосту... Далекое я не ушла, довольно сложно сбежать на каблуках твоей матери». Играла свою роль и разница в возрасте между сестрами: «Слишком маленькая, я не могла быть такой спортивной и дерзкой во всем, — пишет Ли. — Просто была не в состоянии соответствовать его ожиданиям».

Джеки и Ли с раннего детства были соперницами — за право быть самой любимой, самой лучшей, самой первой. Их отношения были причудливой смесью близости и конкуренции, стремления защитить и острого желания доминировать, ревности и взаимозависимости. «Мне кажется, — откровенничала Ли, — как и всегда в отношениях между сестрами, я порой чувствовала и ревность, но привязанность все же перевешивала. В детстве я, наверное, была противной, как и все младшие сестры. Один раз мне, помню, досталось крокетным молотком. Мы вообще часто ссорились и дрались». Много лет спустя Ли даже гордо заявила журналу «Пипл»: «Я не чья-то младшая сестренка». Но чаще всего верх в этом негласном состязании одерживала Жаклин. И несмотря на то, что младших детей нередко опекают с большей заботой, именно Джеки оставалась всеобщей любимицей. Особенно баловали ее отец и старый Майор, которого малыши звали просто «дедом Бувье». Тем не менее сестры были искренне привязаны друг к другу, ласково называя друг дружку Джекс и Пекс. И хотя в итоге жизнь развела сестер, эта кровная и духовная близость сохранялась между ними долгие годы.

Вспоминая детство на Лонг-Айленде, Ли писала: «В моей жизни, да, наверно, и в жизни Джеки, это время было по-настоящему счастливым, хотя и слишком коротким... Все тогда казалось таким простым. Нас еще не коснулись ни сложности, ни душевные терзания, ни страдания...» Она лирично описывала летние сезоны в Ист-Хэмптоне, любимый обеими океан, прогулки пятничными вечерами на станцию, чтобы встретить приезжавшего из города на уик-энд отца, и подкладывание монеток на рельсы перед прибытием поезда.

Частенько за обедом Майор вынимал слуховой аппарат, чтобы его не отвлекали разговоры домочадцев, и сочинял стихотворение для одной из внучек, которое оглашал в конце застолья. Поэт из него был,

мягко скажем, неважный, но Джеки унаследовала его увлечение поэзией. Как вспоминала Ли, «дед обожал Джеки, очевидно чувствуя ее громадный потенциал в той области, которая очень его интересовала, — в литературе. Они обменивались цветистыми письмами. Не знаю, дедушка ли внушил сестре любовь к поэзии, но Джеки заинтересовалась поэзией в очень раннем возрасте, чем весьма его радовала. <...> Мне кажется, если бы не привязанность Джеки к отцу и деду, она никогда не стала бы такой сильной и независимой, ведь нашу семью очень уж трудно назвать нормальной...»

Умение отлично держаться в седле было присуще всем членам семьи Джона Бувье III. Великолепная наездница Дженет в Ласате держала целый табун лошадей. Разумеется, дочери многократной победительницы чемпионатов были просто обречены на обучение верховой езде. Впервые Дженет усадила на лошадь старшую дочь, когда той исполнился всего лишь годик. А когда ей стукнуло три года, мать или отец лишь придерживали длинный повод пони, на котором скакала их дочурка, бесстрашно перепрыгивая невысокие заборы. Начиная с пяти лет Жаклин уже ездил верхом в полном облачении. «Я помню, какой целеустремленной наездницей стала Жаклин, когда в ней проснулась жажда голубых лент победительницы конных выставок Ист-Энда, — вспоминал двоюродный брат Джеки, Джон Х. Дэвис. — Я помню, как поздним летним днем приходил в конюшню Ласаты и заставлял Жаклин после целого дня непрерывной езды в стойле с одной из ее лошадей, ухаживающей за животным с особой любовью, завивающей ее гриву и хвост, обнимающей ее, целующей ее».

Ли держалась в седле не так уверенно, тем более что Джон Бувье выбрал для младшей дочери пегого пони, который ей не нравился. «Отец хотел, чтобы я держалась в седле, как Джеки, и заставлял меня падать по пять-шесть раз, а упрямая лошадь все отказывалась перепрыгнуть через забор», — вспоминала она.

Летом 1934 года Дженет и Джеки выиграла третий приз в семейном классе на выставке лошадей в Ист-Хэмптоне. Пятилетнюю Джеки, одетую в костюм для дерби, сфотографировали верхом на пони во время вручения серебряного кубка. Этот приз стал первым в ее богатейшей коллекции наград безупречной наездницы. «Я до сих пор вижу Джеки с ее косичками и в наряде для верховой езды — шляпа, галстук-пластрон, длинные кожаные сапоги, — вспоминал тренер

клуба верховой езды Сэмюэль Лестер. — Вскоре она стала приносить домой голубые ленты целыми коробками».

Конечно, не обходилось и без неудач. В том же году Джеки потерпела поражение на конном шоу в Смиттауне. А в следующем году на Саутгемптонском конном шоу упала во время конкурса³. Правда, привыкшая к подобным падениям девочка тут же поднялась и попыталась снова взобраться на пони, но... в горячке подошла к нему с другой стороны.

С детства Джеки любила читать, сочинять рассказы и стихи, которые иллюстрировала собственными рисунками. Однако самой большой ее страстью были лошади. К восьмому дню рождения родители купили ей собственного пони. Летом 1937 года она выиграла Саутгемптонское конное шоу в классе детей до девяти лет, чем гордилось все семейство. В 1938-м завоевала еще одну голубую ленту на конном шоу в Ист-Хэмптоне, а следующим летом вновь стала победительницей в Саутгемптоне.

Фотографии юной наездницы стали все чаще мелькать в прессе, и отец невероятно гордился успехами дочери. На этих снимках Джеки предстает черноволосой крепышкой, с вызовом глядящей прямо в объектив. Ее широко расставленные «фамильные» глаза Бувье были карими, как у матери, а не пронзительно-синими, как у отца, а волосы — густыми и вьющимися. В 12 лет она оседлала Балерину, великолепную кобылу каштановой масти, которую обожала и ласково называла Донни. «Они были ужасно близки, — писала в мемуарах Ли, — папа, Джеки, а еще Балерина. Это странное трио просуществовало аж десять лет».

То были одни из самых радостных дней в жизни девушки, которая позже встретила свои личные трагедии и триумфы с тем же мужеством, твердостью духа и грацией, которые демонстрировала в качестве чемпионки по конному спорту.

¹ Популярный американский композитор легкого жанра. Один из немногих авторов, писавших также тексты своих песен.

² «Ласага» на языке индейцев означает «Тихое место».

³ Конкур (фр. *concours hippique* — конные состязания) — наиболее зрелищный вид конных состязаний, суть которых заключается в преодолении препятствий определенной сложности в определенном порядке на специально обустроенном поле. Конкур является олимпийским видом спорта.

Юная бунтарка

В шесть лет Джеки Бувье отправили учиться в «Школу мисс Чапин для девочек» — крайне консервативное и чопорное заведение, пропитанное протестантским духом, где из девочек готовили будущих примерных домохозяек. Большинство учениц и их родителей это вполне устраивало, но не Джеки! «Я ненавидела кукол, обожала собак и лошадей, у меня не проходили ссадины на коленках, а еще я целую вечность носила брекеты», — вспоминала Жаклин. Одна из ее учительниц, мисс Платт, считала Джеки «милым ребенком, самой красивой девочкой, очень умной, очень артистичной, но с чертенком внутри». Частенько за плохое поведение ее отправляли к директорисе, которая в первый же год написала в ее табеле: «Жаклин получила двойку, потому что из-за ее буйного поведения на уроке географии пришлось выгнать ее из класса». Сообразительная и начитанная, Жаклин быстрее всех выполняла задания, а в оставшееся время либо мечтала, глядя в окно, либо от скуки проказничала. Но даже когда она во время школьного праздника запустила тортом в одного из самых ненавистных учителей и ей грозило отчисление, отец ее не только не наказал, но даже не пожурил, лишь велел быть осмотрительнее в шалостях.

При этом Джеки вовсе не была беспутным сорванцом — то бурлили гены ее бесшабашного папаши, и предпочитала унылому школьному окружению компанию лошадей и собак, все остальное время отдавая книгам. Еще до поступления в школу она прочла все детские книги и потихоньку приступила ко «взрослым». Любимыми героями были Маугли, Робин Гуд, дедушка маленького лорда Фаунтлероя⁴, Скарлетт О'Хара и поэт Джордж Гордон Байрон. Школьный учитель литературы был несказанно поражен, когда узнал, что шестилетняя Джеки с удовольствием читала рассказы Чехова. А Дженет Бувье всерьез подумывала, что старшая дочь когда-нибудь станет писателем.

К сожалению, ни книги, ни лошади не смогли облегчить Жаклин боль от крепнувшего отчуждения между строгой и требовательной матерью и любимым отцом — крепко пьющим бабником и транжирой. Родители постоянно ссорились, и тогда Дженет срывала зло на детях, порой поднимая на малышей руку. Причем причина чаще всего была

не в супружеской неверности Блэк Джека — к тому, что муж не пропускал ни одной юбки, Дженет уже привыкла. Да и как было не привыкнуть, если даже в медовый месяц, который новобрачные провели в морском круизе из Америки в Европу, ее муж напропалую флиртовал на палубе «Аквитании» с юной наследницей крупнейшей табачной компании США Дорис Дьюк, «самой богатой девушкой в мире», а остальное время просиживал за игорным столом. Позднее Блэк Джек говорил друзьям, что жалеет о женитьбе на Дженет: «Если бы я был свободен, я бы обхаживал Дорис, женился на ней и в итоге получил бы контроль над всеми этими табачными миллионами». А Джеки как-то рассказала своему давнему поклоннику Джону «Деми» Гейтсу: «Знаешь, мои родители проводили в Биаррице медовый месяц, а папа был ужасный игрок и продул все деньги, и свои, и мамины. В первый же вечер пошел в казино и вернулся вконец подавленный, поскольку просадил все, что было». Характерно, что Дженет вместо скандала молча собрала все оставшиеся деньги и... отправилась в то же казино, откуда вернулась, полностью отыгравшись.

Главной причиной семейного разрыва стала финансовая пропасть, в которую скатывался Джон Бувье. Первый звоночек раздался через три месяца после рождения Жаклин, когда крах фондового рынка в октябре 1929 года перевернул устоявшуюся американскую действительность вверх дном. Словно предчувствуя катастрофу, Блэк Джек успел продать часть акций, но через месяц котировки рухнули еще ниже, и он лишился целого состояния. При этом он продолжал жить на широкую ногу, по-прежнему бегая за юбками и закатывая для друзей шумные вечеринки с хористками, а когда супруга с дочками выезжала на отдых в Ист-Хэмптон, разгульная компания устраивалась в их нью-йоркской квартире.

В середине 30-х годов газета «Нью-Йорк Дейли Ньюс» опубликовала фотоснимок, где Дженет в костюме для верховой езды сидит на барьере, а муж за ее спиной держит за руку красавицу Вирджинию Кернохан, и сопровождала его недвусмысленными намеками. Джеймс Ли устроил по этому поводу скандал и, мечтая избавиться от ненавистного зятя, потребовал, чтобы дочь начала бракоразводный процесс. Поначалу Дженет все же пыталась сохранить брак, хотя скандалы и истерики стали почти ежедневными. Но

семейная жизнь трещала по швам, Джона Бувье стали преследовать кредиторы, а от них не отставало и налоговое ведомство. Финансовое положение семьи серьезно ухудшилось, а сам он из веселого выпивохи превратился в закоренелого алкоголика. Это стало последней каплей для Дженет, и в конце сентября 1936 года она подала на развод.

Для девочек это стало настоящей трагедией. Католическая церковь разводы не одобряет, и мало кто из детей их круга имел разведенных родителей. Зная о разладе в семье Бувье, сверстники не упускали возможность уколоть сестер. Но главное — они обожали своего веселого, потакавшего им отца, а к строгой матери относились с прохладцей, что обижало и возмущало Дженет. Характер у нее становился все более вспыльчивым, и в приступе гнева она могла ударить дочерей. А девочкам претили постоянные придирки матери. «Она слишком многого от нас требовала, — вспоминала Ли, — я уже не помню подробностей, но придиралась буквально ко всему... Идеальность, только идеальность, иначе сплошные придирки. Возможно, дело в том, что мама была недовольна собой».

Дженет при дочерях постоянно обвиняла мужа, называя в лучшем случае подлецом. А Блэк Джек, прекрасно сознавая свою вину, за глаза никогда не ругал жену, и чем больше упреков сыпалось на него, тем больше он хвалил любимых дочек. «Легко понять, что папины проступки вовсе не казались нам ужасными, а мамины требования, напротив, выглядели жестокими и бессмысленными, — вспоминала Жаклин. — В битве за наши души мама проиграла папе».

В августе 1938-го начался бракоразводный процесс. Эту новость подхватила пресса, и вскоре скандал вместе с пикантными подробностями и фотографиями был растиражирован в газетах всей страны. «Это был самый ужасный развод из всех, свидетелем которых мне довелось быть, — вспоминает Ли, — поскольку обе стороны буквально исходили желчью, а мы с Джеки чувствовали, как каждый из родителей пытался перетянуть нас на свою сторону, и притом оба они поносили друг друга...»

Джеки, с детства приученная матерью в любых ситуациях «держаться лицо», на людях появлялась с выражением спокойной сдержанности. «Я научилась у мамы улыбаться, — вспоминала она позже, — когда на душе скребут не просто кошки, а целые тигры, когда все внутри сжимается в комочек от унижения, от боли, из-за оскорбленной

гордости, а ноги дрожат от желания убежать. Я могла думать и чувствовать все, что угодно, но этого никто и никогда не видел, маска леди надежно укрывала раны моей души от чужих взглядов». И хотя никто из школьных приятелей и учителей даже не догадывался, как ей больно на самом деле, для нее безвозвратно рушился весь мир. Она глубоко переживала и, по словам Джона Дэвиса, «стала часто уходить в свой собственный мир». Один из завсегдатаев нью-хэмптонского клуба верховой езды вспоминал, как грустная Джеки «бродила по округе, словно бездомный котенок, разговаривала с конюхами, торчала возле лошадей. Иногда казалось, что мыслями она где-то очень-очень далеко, в мире, нарисованном ее воображением».

Любовь к искусству и литературе стали для нее самым надежным убежищем от реальных жизненных проблем, которые уничтожали ее идиллическое детство. «Как только мама повышала голос и становилось ясно, что сейчас начнется ссора с криками, обвинениями в неверности и хлопаньем дверьми, я уходила к себе и бралась за книгу, — рассказывала Жаклин. — Конечно, я читала не только когда родители ссорились, книги научили меня отключаться, вернее, замыкаться в себе и не реагировать на происходящее вокруг. <...> Я с детства усвоила: то, что нельзя изменить, нужно не просто принять и учесть, но и не замечать. <...> Улыбаться во что бы то ни стало, скрывая свои истинные чувства, а если совсем не вмоготу — уходить в себя».

Через год Дженет вышла замуж за человека, который был не только сказочно богат, но и занимал высокое место на социальной лестнице. Ее избранником стал биржевой маклер и юрист Хью Д. Ачинклосс — младший, которого все знакомые обычно называли Хьюди. Шотландская фамилия Ачинклосс издавна знакома американцам, а их брачные связи включали такие знаменитые семьи, как Рокфеллеры, Дюпоны, Тиффани, Вандербильты и многие другие. Хьюди гордился своими предками не меньше, чем дед Бувье, и семейное генеалогическое древо (настоящее, без мифотворчества) гордо висело в его ванной. Сам он успел послужить в Госдепартаменте, а набравшись опыта и хороших связей, ушел со службы, успешно занимался бизнесом и состоял членом множества престижных клубов. Но главное, жених Дженет распорядился крупным пакетом акций

знаменитой нефтяной корпорации «Стандарт ойл», созданной Джоном Рокфеллером, и одно это означало, что деньги у него будут всегда.

Впервые в брак Хьюди вступил в 1925 году, очарованный русской дворянкой Майей Храповицкой. Майя родила ему сына — Хью Дадли Ачинклосса III, которого ласково называла по-славянски «Юша», но вскоре влюбилась в другого, и Хьюди с ней развелся. В 1935 году он женился на Нине С. Видал, единственной дочери слепого сенатора из Оклахомы Томаса Гора. До этого Нина была замужем за Юджином Видалом, ставленником Рузвельта; их сын стал впоследствии известным американским писателем Гором Видалом. Еще двоих детей она родила от Хьюди, но и эта семья не выдержала испытания на прочность.

Двадцать первого июня 1942 года Хьюди женился в третий и последний раз, не устояв перед утонченной Дженет Ли Бувье. Их бракосочетание состоялось не только без излишней помпезности, но даже застало Джеки и Ли врасплох. Мать не предупредила их о своей свадьбе, к тому же, по словам Ли, у нее было по крайней мере еще два поклонника. За год до этого события Дженет возила девочек на рождественскую экскурсию в Вашингтон. Там сестры и познакомились с Хьюди Ачинклоссом и его старшим сыном от первого брака. Жаклин очень понравилась курсанту военного училища Юше — застенчивому подростку на два года старше нее. Они оба увлекались историей и литературой. «Джеки, — вспоминал Юша, — очень интересовалась культурой американских индейцев... хотя обожала также пиратов и своего горячо любимого отца, Джека Бувье, представляла себе таким пиратом-головорезом». С Юшей Жаклин не только дружила всю жизнь, он стал одним из ее самых надежных доверенных лиц.

Хьюди, кроме фамильного гнезда Хаммерсмит-Фарм в Ньюпорте, принадлежала также роскошная усадьба Мерривуд в Вирджинии. Здесь и состоялась его свадьба с Дженет, где Юша был шафером. Но если новобрачная воспринимала замужество и переезд в богатое поместье, где уже жили дети Хьюди, как награду за долготерпение в первом браке, то Джеки и Ли чувствовали себя неуверенно и стесненно в новом доме. Они внезапно стали сводными сестрами двух братьев и сестры от предыдущих браков Хью, а как католички оказались чужими в социальном кругу новой семьи. Джеки в это время

только исполнилось 13 лет, и переезд в Мерривуд — так далеко от любимого отца! — для нее означал конец привольной жизни в Нью-Йорке. При этом отношение матери к ним не изменилось. Позже сама Дженет вспоминала с обидой: «Для них я была великаншей-людоедкой — учила их манерам, заставляла прямо сидеть за столом и чистить зубы. А муж позволял им делать все, что угодно».

В новой семье Дженет сразу принялась верховодить. Но, несмотря на удачный брак по расчету, продолжала постоянно нервничать, курила одну сигарету за другой, грызла ногти и по привычке пыталась устраивать скандалы. Новая хозяйка часто взрывалась по поводу и без оного, а Хьюди в это время пытался оставаться невозмутимым и читать газету, пережидая ураган по имени Дженет. Одна из друзей семьи, нью-йоркский дизайнер Элизабет Дрейпер, вспоминала: «Энергия Дженет была через край. Она была перфекционисткой, щепетильной во всем, начиная с позы, в какой сидела, и заканчивая тем, как вытирала рот после еды».

Вскоре у Жаклин и Кэролайн появились еще один брат и сестра: Дженет Дженнингс в 1945 году и Джеймс Ли в 1947-м. Мать отдавала им всю любовь, которую так и не получили ее дети от первого брака. Правда, отчим падчериц не обижал, но и не баловал, и, будучи довольно прижимист, разительно отличался от Блэк Джека. Жаклин и Ли были обеспечены всем самым лучшим и в достаточном количестве, а «дядя Хьюди» был добр и заботлив, но они отлично понимали, что остались бесприданницами — ведь у отчима, кроме них, было пятеро родных детей! Этот глубокий страх перед бедностью, несмотря на комфортное существование, остался у них на всю жизнь и во многом определил их дальнейшие поступки.

Первое время в новой семье Джеки все чаще забивалась в уголок с книгами или красками, углубившись в свой собственный мир, и оживала лишь тогда, когда навещала отца. На всю жизнь он остался для нее идеалом мужчины, на который она впоследствии примеряла своих ухажеров и неизменно выбирала тех, кто был значительно старше нее, кто мог дать ей вновь ощутить себя маленькой девочкой, окруженной заботой и лаской. Пока же Джеки продолжала полноценную жизнь ребенка из богатой семьи, используя все возможности для получения блестящего образования: брала уроки

классического балета в старом театре Метрополитен-опера и совершенствовалась во французском языке.

После семи лет обучения в Чапине Джеки перешла в школу-интернат для девочек мисс Сары Портер в Фармингтоне, штат Коннектикут, где в свое время обучалась ее бабушка Мод Сарджент. Пребывание в пансионе позволило ей отдохнуть от большой семьи Ачинклоссов, к тому же здесь особое внимание уделяли подготовке к поступлению в колледж. А еще ей разрешили взять в школу любимую лошадь. Содержание животного оплатил Джеймс Ли, которому Жаклин написала трогательное письмо. «Тогда это стоило примерно 25 долларов в месяц — для девочки сумма немалая, — вспоминает Жаклин. — Дедушка Джеймс пошел навстречу, Балерину действительно привезли в школьную конюшню, строго предупредив, что ухаживать за ней мне придется самой».

Могли бы и не предупреждать! Джеки ежедневно чистила свою любимицу, а в начале зимы даже стащила из дортуара одеяло, чтобы защитить Балерину от холода. Когда же выпал снег, она приучила лошадь возить сани. Сохранилась и фотография, где Джеки, как Снежная Королева, стоит в санях с поводьями в руке, а за ней две одноклассницы — Сью Нортон и Нэнси Таккерман, ставшая ее ближайшей подругой на всю жизнь.

Жаклин с удовольствием изучала литературу, особенно французскую, балет, историю искусств и занималась языками, освоив, кроме французского, испанский и итальянский. Увлеченно писала эссе, рассказы и стихи; ее произведения часто публиковались в местных газетах, а в выпускном классе даже нарисовала целый мультсериал. Одноклассница Жаклин, Элен Гейтс, в своих мемуарах писала: «Никто не разбирался лучше нее в высоких материях литературы. Мы были в полном восторге, когда Джеки побеждала в споре с упрямой учительницей или по-новому истолковывала тексты, заданные на дом. Мисс Уотсон и сама получала удовольствие от этих состязаний. Когда они вели поединок, класс напоминал наэлектризованную арену. Мы ждали, когда Джеки в своей ироничной манере отпустит очередную реплику и рассмешит нас до колик в животе, подчеркнув претенциозность сказанного или написанного... В классе было еще несколько таких же умных девочек, но по начитанности она далеко их опережала...»

В конце зимы выпускного года Джеки опубликовала в школьном журнале свой рассказ «Весеннее томление». Героиней повествования выступает шкодливая нимфа Дафна, которая подложила кнопку в кресло Зевса и за это была не только изгнана с Олимпа, но и превращена в мраморную статую. Громовержец заявил, что она будет оживать лишь раз в три тысячи лет и то лишь для совершения благого поступка. Спустя века археологи привезли изваяние прекрасной девушки в Центральный парк Нью-Йорка. А вскоре прелестная девушка спустилась с пьедестала и внушила любовь в сердце проходящего мимо юноши. Проведя с ним теплый весенний день, нимфа вернулась на постамент и вновь застыла в позе, заставляющей всех мужчин сожалеть, что она создана из камня...

В результате Жаклин Бувье выиграла литературную премию Мэри Мак-Кинни за выдающиеся достижения в области литературы и в июне 1947 года окончила школу мисс Портер в числе лучших учеников своего класса. Немало славы пансиону добавило и то, что имя Жаклин Бувье дважды выгравировали на серебряном кубке за победу в конном шоу. А игрушечного слона, который некогда принадлежал Джеки, старшеклассницы до сих пор вручают новичкам и рассказывают о шкодах «легенды Фармингтона». Например, когда туда поступила Кэролайн Ли (в тот же год, когда Джеки ее закончила), ей сразу стали поступать любовные письма от незнакомых парней. Что же оказалось: Джеки напропалую флиртвала, представляясь именем младшей сестры!

Умная и независимая Джеки принадлежала к высшему обществу и волей-неволей должна была действовать в рамках строгих социальных правил. Но как записная бунтарка она часто раздражалась из-за этих ограничений и, несмотря на все старания педагогов сделать из нее потенциальную примерную жену, написала в школьном ежегоднике: «Ни за что не стану домохозяйкой!» А отношение воспитателей к этой непокорной нимфе отлично характеризует один из преподавательских комментариев в выпускном табеле: «Я бы не терпела выходки Жаклин, если бы у нее не был самый пытливый ум из всех, какие были у нас в школе за последние 35 лет».

Итак, в июне 1947-го умная и уверенная в своем творческом потенциале Джеки покинула Фармингтон и, набрав максимальное количество баллов на экзаменах, поступила в тот же колледж, где

когда-то училась и ее мать, — престижный Вассар, который называли «Гарвардом для женщин» и «колледжем невест»: треть девушек выходили замуж, не закончив учебу. Остается только удивляться тому, как это им удавалось. Преподавательницы были сплошь феминистками, носили только девичьи фамилии и нацеливали подопечных на академическую карьеру. Однако для большинства девушек послевоенного поколения главным стремлением было удачное замужество, и разве найдутся силы, которые смогут помешать им добиться своей цели!

А Джеки интересовалась в основном путешествиями, литературой и искусством. С одной стороны, заложенная матерью программа, нацеливавшая их с сестрой на поиск богатых женихов, отчасти соответствовала ее собственным представлениям о будущем. Но другая часть ее существа не признавала навязанных общепринятых стандартов, и подростковое бунтарство проявляло себя во всей красе. Однако ни честолюбивые карьерные устремления, ни природная замкнутость не могли лишить юную красавицу извечного женского желания нравиться и быть любимой. К 17 годам она выросла очаровательной здоровой девушкой, радовавшей окружающих нестандартной красивой внешностью и обаянием. А правильно взглянуть на собеседника умели обе сестрички Бувье. Особенно преуспела в искусстве обольщения Джеки. При встрече с интересующим ее молодым человеком она понижала голос почти до шепота и томно смотрела собеседнику в глаза. Порой она приглашала очередного избранника в гости, но дальше ужина и невинных поцелуев дело никогда не заходило.

Благодаря отцу, который, не скрываясь, делился с любимой дочкой самыми сокровенными и даже интимными тайнами, она имела неплохое, хотя и чисто теоретическое представление о той стороне жизни, которую усердно замалчивали в учебных заведениях. Блэк Джек часто говорил ей: «Жаклин, запомни, все мужики — крысы. Не доверяй им!» — и неизменно критиковал всех ухажеров. По его мнению, они были недостойны даже взгляда любимых дочерей.

Первый официальный выход в свет Жаклин Бувье состоялся 16 августа 1947 года в ньюпортском клубе Клембейк. На балу девушка появилась в белом платье с традиционной ниткой жемчуга на шее. Четырнадцатилетняя Ли, решив затмить старшую сестру, появилась

там в расшитом стразами розовом платье без бретелей. Но ее старания были тщетны: внимание всего зала приковала к себе Джеки. Популярный нью-йоркский светский обозреватель Игорь Кассини, известный под псевдонимом Чолли Никербокер, назвал ее «дебютанткой года» и «королевой бала». В своей колонке он описал ее как «царственную брюнетку с классическими чертами лица и точеной, словно дрезденский фарфор, фигуркой. Она держала себя с достоинством, как и положено дебютантке». Отдал он должное и ее серьезности и уму. Такая похвала вмиг поставила Джеки на уровень голливудской звезды. Наутро она проснулась знаменитостью и до отъезда в колледж блистала на светских балах и вечеринках.

Кінець безкоштовного уривку. Щоби читати далі, придбайте, будь ласка, повну версію книги.

ridmi
ТВІЙ УЛЮБЛЕНИЙ КНИЖКОВИЙ

КУПИТИ